

переводчиков на модернизацию так: «Главной нашей заботой было все же дать не „филологическую реконструкцию“, а вполне живой, художественный текст, столь же ясный и легкий для восприятия современного русского читателя, каким он был во времена Сервантеса для тогдашнего читателя — испанца» (Т. 1. С. LXXXIX—XC).

Смирнов специально касается и спорного в те времена вопроса передачи имен: «Все собственные имена представлены в их оригинальной испанской форме, за исключением трех, именно: Дон Кихот, Росинант и Мамбрин (...) утвердившихся в этой форме в русской и отчасти европейской традиции, а также, конечно, некоторых античных имен, воспроизводимых нами в их оригинальной, а не испанизированной форме» (Т. 1. С. LXXXVIII—XCI).

В целом можно констатировать, что издание «Дон Кихота» «под редакцией Б. Кржевского, А. Смирнова» явилось прецедентом нового для 1920-х годов подхода к художественному переводу с испанского языка, а принципы этого подхода были специально сформулированы в статье, предвещающей текст. Особенно следует подчеркнуть гибкость декларируемого переводческого канона, допустимость исключений и частных случаев, что дает представление о переводе как о процессе творческом и вместе с тем подчиненном определенным правилам.¹⁰

К сожалению, приходится завершать это сообщение несложным, но пугающим арифметическим подсчетом. Со времени выхода в свет «Дон Кихота» Н. М. Любимова прошло 57 лет. В русской истории романа Сервантеса с самого ее начала (перевод И. А. Тейльса 1769 года¹¹) ни разу не бывало такого долгого промежутка без появления нового перевода. Мне не кажется, что пришла пора отказываться от переводов «Кржевского — Смирнова» и Любимова, но все-таки с момента их создания изменился и язык, и представление о мире, и представление о романе Сервантеса. Ведь, как пронизательно заметил А. А. Смирнов, «если есть „бессмертные“ литературные произведения, то „бессмертных“ переводов не может быть, и чем замечательнее произведение, тем чаще должен возобновляться его перевод» (Т. 1. С. LXXXIII).

¹⁰ Об этом неоднократно писалось и в других трудах 1920-х годов по теории перевода; см., например, рекомендацию А. В. Федорова: «В каждом отдельном случае вопрос о характере нарушений и замен, о их роли для целого произведения должен быть решен по-разному — в зависимости от совершенно конкретных, индивидуальных условий каждого данного случая» (Чуковский К. И., Федоров А. В. Указ. соч. С. 164).

¹¹ История о славном Ламанском рыцаре Дон Кишоте. Переведена с французского. Т. 1—2. В Санктпетербурге, 1769.

**«БОГ ДАЛ МНЕ ВСТРЕТИТЬСЯ С ВАМИ...»:
ПИСЬМА Г. А. ГОРЫШИНА К И. С. СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ
(ПУБЛИКАЦИЯ © А. Г. ГРОДЕЦКОЙ)**

С 1988 по 1998 год Глеб Александрович Горышин состоял членом редколлегии журнала «Русская литература». Публикация его писем подготовлена к 10-летию со дня смерти (10 апреля 1998 года).

Четыре письма Г. Горышина к Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову сохранились в архиве Соколова-Микитова в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 595. Оп. 3. № 196. Л. 1—8).¹ В первом из них звучит искреннее, чуть наивное, быть может, признание: «Моя мечта — (...) написать книгу о Вас». Книга, так в результате и не сложившаяся, писалась Глебом Александровичем всю жизнь: снова и снова, де-

¹ Искренне благодарю Я. В. Звереву за сообщение сведений о письмах. Ответных писем Соколова-Микитова в личном архиве Горышина, к сожалению, нет.

сятилетие за десятилетием он обращался к творчеству, литературной и жизненной судьбе Соколова-Микитова — в рецензиях, статьях, предисловиях, публикациях, в моментальных зарисовках с натуры.² Впервые — в горячей, удивленно и влюбленно восторженной газетной заметке «Цельность писательской судьбы», напечатанной в 1965 году в «Вечернем Ленинграде», где, откликаясь на выход в свет книги «По морям и лесам»,³ нашел те определения яркого литературного дара Соколова-Микитова, которые повторял и позднее. «Книги Ивана Сергеевича Соколова-Микитова читали наши родители, их дарили нам в детстве, — так началась заметка. — В зрелые годы мы открываем в них для себя заново прокаленный солнцем, проветренный, прекрасный и яростный мир. (...) Без малого полвека делает Соколов-Микитов не столь шумное и, быть может, наиболее плодоносное дело в литературе: рассказывает чистейшим, всесильным по своей изобразительной красочности русским языком о светлом и огромном, о том, ради чего стоит жить и бороться, — о Родине, о природе, о доброй широте русского человека».⁴ И здесь же — первые впечатления от встреч с 74-летним «патриархом» русской литературы: «Он велик ростом, крупны его лицо, плечи, руки, лохмата и широка борода. Уроженец смоленской деревни, в начале века он плавал матросом на товаро-пассажирских судах вокруг Европы. Он летал механиком на первом русском самолете „Илья Муромец“. Не считаясь с нарастающими годами, снова и снова отправлялся в полярные экспедиции. Не расставался всю жизнь с охотничьим ружьем. Брал медведей в берлогах. И поныне предан исконной русской охоте — на глухариных токах».⁵

Очерк, написанный Г. А. Горышиным к 80-летию Ивана Сергеевича, назывался так же — «Цельность писательской судьбы».⁶ К 10-летию со дня смерти в «Нашем современнике» он опубликовал статью «Я сам был Россия...», в названии которой — цитата из рассказа Соколова-Микитова «Свидание с детством».⁷ В это время Горышин возглавил комиссию по литературному наследию Соколова-Микитова и редколлегию 4-томного собрания его сочинений, к первому тому которого написал вступительную статью.⁸

О цельности писательской судьбы речь идет во всех очерках и статьях Горышина о Соколове-Микитове, о цельности, подчиненной «однажды выбранному курсу, одним и тем же ориентирам, (...) — Россия, природа русская, народ русский, благо народа, любовь, революция, верность долгу художника-гражданина, служение русской литературе...»⁹ В очерках Горышина нет пафоса, и, быть может, это единственный в них патетический фрагмент. Написанное Глебом Александровичем о Соколове-Микитове соединяет личные впечатления и воспоминания, литературный портрет писателя, признание в любви к нему (очень искреннее — а за искренность Горышина в критике и ругали, и хвалили), похвальное слово писательству, классической русской литературе, которую в XX веке Соколов-Микитов, в представлении Горышина, собою являл. Сказанное о Соколове-Микитове было для него во многом и его собственной авторской исповедью, собственной эстетической декларацией.

² См. подробнее: Гродецкая А. Г. Соколов-Микитов в литературной судьбе Глеба Горышина // И. С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 115-й годовщине со дня рожд. И. С. Соколова-Микитова. Тверь, 2007. С. 151—161.

³ Соколов-Микитов И. С. По морям и лесам: Повести, рассказы, записи давних лет, воспоминания / Предисл. А. Т. Твардовского. Художник В. И. Курдов. М.; Л., 1964. Книга сохранилась в библиотеке Горышина.

⁴ Вечерний Ленинград. 1965. 5 авг. № 183. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Звезда. 1972. № 5. С. 191—193.

⁷ Горышин Г. А. «Я сам был Россия...»: О творчестве И. С. Соколова-Микитова // Наш современник. 1985. № 8. С. 178—186.

⁸ Горышин Г. Сердце писателя // Соколов-Микитов И. Собр. соч.: В 4 т. / Ред. колл.: Г. Горышин, А. Соколов, Г. Холопов. Л., 1985. Т. 1. С. 5—22.

⁹ Там же. С. 11.

И еще один очерк о творчестве Соколова-Микитова (первоначально названный «Зеленеет веточка», а затем вновь — «Я сам был Россия») Горышин включил в две свои книги, изданные в 1980-е годы, — «По тропинкам поля своего» и «Жребий: Рассказы о писателях».¹⁰ Названия книг в обоих случаях многоговорящи, речь в них идет о литературном пути автора, о предопределенности этого пути.

С Соколовым-Микитовым Глеба Александровича связывало благодарное сознание творческой близости, родственности, почти сыновности. Обыгрывая и отчасти мифологизируя эту семейно-родственную идею, называя Карачарово сказочным Лукоморьем, а Соколова-Микитова «карачаровским дедом», Горышин причислял себя к его литературным внукам, признаваясь: «Одинок, дико в литературе брести на ощупь, без родословной, без мудроглазого деда, очевидца и действующего лица истории. (...) Родство мое с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым я отыскал для себя в литературном многотомье, не претендуя на права наследования. Мне мила и близка микитовская восторженная преданность живой телесности мира».¹¹ О своей близости «странствующей музе» Паустовского и Пришвина Горышин также писал не раз, но Ивана Сергеевича он знал лично, ему выпала возможность его слышать, за ним наблюдать, записывать. И родство с ним было особого свойства: не случайно глава «Карачарово» включена Горышиным в повесть «Родословная» (1969), посвященную родителям.

Глеб Александрович выступал и публикатором текстов Соколова-Микитова. В 1991 году в «Новом мире» вместе с П. П. Ширмаковым он публикует в бесцензурной редакции «Карачаровские записи» 1950—1960-х годов;¹² в 1992 году в «Авроре» — статью «Внимательные глаза перед чугунными поворотами»;¹³ в «Русской литературе» совместно с А. С. Жеховым — четыре очерка Соколова-Микитова из берлинской газеты «Руль» с предисловием, озаглавленным вопросом, заданным Соколову-Микитову Твардовским: «Как Вас с такими глазами не расстреляли?».¹⁴ Эта публикация стала последним словом Глеба Горышина о любимом писателе, произнесенным к его 100-летию.

Познакомился Горышин с Соколовым-Микитовым в Ленинграде (вероятно, в 1965-м), о первой встрече с ним в одном из очерков рассказал сам.¹⁵ Привел его к Соколову-Микитову в квартиру на Московском проспекте замечательный художник и книжный график, знаменитый своими рисунками к «Калевале», иллюстратор десяти книг Соколова-Микитова Валентин Иванович Курдов. Курдов, как и Соколов-Микитов, был страстным охотником. Понятно, что охотником и путешественником был и молодой в ту пору, но уже активно печатавшийся ленинградский прозаик Глеб Горышин. К середине 1960-х он отработал несколько лет корреспондентом молодежной газеты на Алтае (окончив факультет журналистики ЛГУ в 1954 году), затем (в 1958—1962 годах) — в геологических и изыскательских партиях в Приамурье, на Камчатке, на Курилах, Командорах, в Хибинах, вновь на Алтае; в 1962 году Горышин — корреспондент «Правды» на Сахалине. Публиковаться начал в 1957 году, в 1958-м вышел первый сборник написанных на целине рассказов «Хлеб и соль», в 1960-м принят в Союз писателей. Экспедиция на Восточный Саян дала материал для таежных рассказов «Земля с большой буквы», «Саранка», «Три связки оленей». Из зоны затопления Братской ГЭС (где он прорубал «судовые хода»), из За-

¹⁰ Горышин Г. 1) По тропинкам поля своего: Странствия. Размышления. Л., 1983. С. 231—244; 2) Жребий: Рассказы о писателях. Л., 1987. С. 164—196.

¹¹ Горышин Г. Жребий: Рассказы о писателях. С. 165.

¹² Соколов-Микитов И. Из карачаровских записей / Публ., предисл. и комм. Г. Горышина // Новый мир. 1991. № 12. С. 164—178.

¹³ Горышин Г. А. Внимательные глаза перед чугунными поворотами: Об Иване Сергеевиче Соколове-Микитове // Аврора. 1992. № 11/12. С. 88—92.

¹⁴ Горышин Г. А. «Как Вас с такими глазами не расстреляли?»: (к 100-летию И. С. Соколова-Микитова) // Русская литература. 1992. № 2. С. 176—190.

¹⁵ Там же. С. 176.

байкаля, с Дальнего Востока Горышин привез повести и рассказы «Близко море», «Живые люди», «Накат», «Около океана», цикл очерков «Кто сидит со мной у костра». Они вошли в сборники, изданные в начале 1960-х: «Фиорд Одыба» (Л., 1961), «Земля с большой буквы» (М.; Л., 1963), «Синее око» (Л., 1963).

Путевой очерк остался основным рабочим жанром Глеба Горышина, дорога — главным сюжетобразующим мотивом его прозы. Подробный путевой дневник или же летучие, беглые заметки, письма с дороги (и даже «открытки с дороги») — привычная ему, любимая им литературная форма. О главном своем творческом принципе Горышин писал: «Надежда моя — на дорогу или, вернее сказать, на тропу; мой сюжет на тропе, надо вначале его отыскать, промерить сюжет ногами, а потом написать. Это правило я выработал для себя за годы странствий...»¹⁶

И еще одному принципу, определившемуся уже в ранней прозе, Глеб Александрович сохранил верность навсегда — журналистскому по своей природе принципу документализма, когда цену прежде всего имеет подлинность и достоверность, когда в центре внимания оказывается реальное событие и конкретный человек. Собственную художественную документалистику он несомненно рассматривал как преемственную по отношению к Соколову-Микитову, назвав его «искателем сокровищ человеческих душ» и имея в виду героев его документальных повествований.

Горышин много работал в жанре повести-репортажа, особенно в 1970-е годы, рассказывая о землепроходцах Сибири и земледельцах центральной России, о спасателях в Хибинах. Делатели, труженики, искатели — герои его прозы, и автором движет интерес к яркой человеческой судьбе. Но интересовала Горышина и яркая судьба в документе, в личных дневниках, записках. А где записки и хроника жизни, там больше, чем судьба, там и движение истории, и ее осмысление, и жизненная философия. Редактированию и изданию чужих дневников и записок Глеб Александрович отдал много сил. Он издал, например, «величиною в целую жизнь» хронику плаваний исследователя Арктики Евгения Николаевича Фрейберга («От Балтики до Тихого...»), многолетние дневниковые записи наблюдателя поста гидрометслужбы на Телецком озере Николая Павловича Смирнова («Не только о погоде»). У него есть рассказ «Чужие рукописи», кончающийся словами: «Чужие рукописи остаются с нами, как наши сердечные боли».¹⁷ С сердечной болью, я думаю, работал он и над рукописями Соколова-Микитова.

Творчески сближает и роднит Горышина с Соколовым-Микитовым, помимо прочего, и автобиографизм.¹⁸ Повествователь в прозе Горышина всегда узнаваем, это он сам, с искренним признанием: «Я хотел писать повесть, но получался дневник».¹⁹ За «навязчивый автобиографизм» его много ругали, и, вероятно, образцом, опорой, оправданием собственной творческой манеры ему мог служить художественно убедительный и яркий автобиографизм Соколова-Микитова.

В последние десять лет жизни весну, лето и осень Глеб Александрович проводил в вепсской заброшенной деревне Нюрговичи, создавая вслед Соколову-Микитову собственные «письма из деревни», собственную хронику угасающей деревенской жизни, с пристальным вниманием фиксируя смену социальных, природных, погодных, собственных душевных состояний, с подлинной нежностью описывая, как и Соколов-Микитов, русские березы и осины.²⁰ В последние годы он все чаще

¹⁶ Горышин Г. Сюжет на тропе // Лит. Россия. 1976. 23 апр. С. 8.

¹⁷ Горышин Г. Жребий: Рассказы о писателях. С. 59.

¹⁸ См. об этом: Творчество И. С. Соколова-Микитова: Сборник / Редколлегия: П. П. Ширмаков (отв. ред.) и др. Л., 1983. С. 6—7.

¹⁹ Горышин Г. Синее око. Л., 1963. С. 221.

²⁰ См.: «Луна запуталась в березе», «Слово лешему», «Возвращение снега», «По весне, по осени» (Север. 1991. № 12; 1992. № 8; 1993. № 3, 12); «Назову собаку Песси», «Меняют нижние венцы», «Время дергача» (Москва. 1994. № 9; 1995. № 6). Циклы очерков были собраны автором в книгу «Слово лешему», изданную посмертно (СПб., 1999).

¹ В Приладожье, как и на реках Паше и Ояти, Горышин и позднее бывал часто, находя здесь сюжеты для очерков и рассказов. С этими местами связана биография его отца Александра Ивановича Горышина (1907—1970), в предвоенные годы директора леспромпхоза, в войну и после нее — управляющего трестом «Ленлес», руководившего лесосплавом на Паше для блокадного города; об этом повесть Горышина «Запоть» (1970). О верности отцовским лесным краям он писал: «Мой папа оставил по себе в наследство вот эти леса, сплавные реки, загруженные топляком под завязку, озера; отсюда он родом, здесь его поминали как полководца лесного войска. Сюда я пришел по его стопам, получив от него в детстве первые уроки географии, послужившие мне путеводной картой в собственной судьбе» (*Горышин Г.* Слово лешему: Записи очевидца. СПб., 1999. С. 343). Вопросами экологии Приладожья и Прионежья Г. А. Горышин занимался в 1980-е годы, возглавляя экологическую комиссию при Ленинградском отделении Союза писателей. См.: *Горышин Г., Региня Л., Самойлов А.* Онега сегодня и завтра. Л., 1981; *Горышин Г.* Глядя в глаза Ладоге. Л., 1989; Ладoga. Пока не поздно. М., 1989 (текст к фотоальбому).

² Глухаринной охоте посвящены многие страницы охотничьих рассказов Горышина разных лет; подробно — в его повести «Весенняя охота на боровую дичь» (1986).

³ В собственном домике в Карачарове, на берегу Волги, на участке, выделенном ему постановлением Совета министров РСФСР, Соколов-Микитов жил ежегодно с июня 1952 года.

⁴ Цикл «Морские рассказы» создавался в 1914—1934 годах на основе впечатлений о плавании по Черному и Средиземному морям на кораблях «Королева Ольга» (1914), «Дых-Тау» и «Омск» (1919—1920), о пребывании в Англии (1920—1921), о путешествии в Голландию и вокруг Европы (1923). Цикл включался во многие сборники Соколова-Микитова; здесь речь идет о сб. «По морям и лесам» (1964).

⁵ Тот же рассказ «Ножи» Горышин вспоминал позднее в повести «Родословная» (глава «Карачарово»): «Я знаю, помню эту новеллу: любовь к синеглазой турчанке и невозможность любви, и нож с длинным, злым лезвием, — чтобы достать сердце врага, и много, много всеильного солнца» (*Горышин Г.* Лица встречных: Повесть и рассказы. Л., 1971. С. 21).

⁶ См. вступ. заметку.

2

Милый Иван Сергеевич!

«Вечерний Ленинград» напечатал мою небольшую рецензию на Вашу книгу. Посылаю ее Вам.¹

Сам я через три дня уезжаю на Черное море, а потом на Северный Кавказ, в санаторий лечить радикулит,² который меня одолел.

Желаю Вам всяческого здоровья. Надеюсь на встречу в Ленинграде.

Привет Лидии Ивановне.³

Искренне Ваш

Глеб Горышин

На конверте: Калининская обл., Томаковский р-н, п/о Карачарово. И. С. Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-21, пр. Раевского, 18, кв. 19. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 24.08.65; Карачарово, Калининской обл. — 26.08.65.

¹ См. вступ. заметку; газетного текста при письме нет.

² Санаторий в пос. Кармадон.

³ Соколова (урожд. Малофеева) Л. И. — жена писателя.

3

Милый Иван Сергеевич!

Совсем недавно я был у вас в Карачарове,¹ но так далеко укатила меня дорожка и события последних дней, что кажется, не было этого ничего: ни тихой приветливой Волги, ни ежей под домом, ни заросшей прекрасной вашей усадьбы, ни ваших рассказов, коим нет цены, потому что это рассказы последнего очевидца, уча-

стника жизни почти что уже легендарной. Будто все привиделось во сне. Но если заставить свою память поработать, пройти дорожку в Карачарово сызнава, то становится вдруг тревожно: тянет еще побывать.

Простите меня и мою жену² за несносную нашу назойливость. Не мы первые. Карачарово обладает большой притягательной силой. Оно тянет и тянет. То, что знаете Вы о минувшей, да и о нынешней жизни, — это и есть, как говорится в ученых статьях, духовное богатство народа.

Спасибо Вам, Иван Сергеевич, за Вашу душевную щедрость. Сентябрь, наверное, будет теплым. И славно будет у вас на Волге. И я буду себя непрестанно корить за то, что я не услышал от Вас чего-то, не успел услышать. Вы говорили мне когда-то, что Ремизов был первым писателем, которого Вам послал бог встретить.³ Быть может, бог дал мне встретиться с Вами, с первым человеком, несущим в себе достоинство русского писателя.

Может быть, я когда-нибудь напишу о том, что услышал от Вас, что понял за Вашим столом. Я имею в виду не какие-либо душеспасительные истины, а ту редкостную русскую, мужскую, природную естественность и цельность, ваш талант — не только беллетристический, но — человеческий.

Вот побыл два дня дома, чуть присел к столу — и надо опять гнаться к черту на кулички, в Белоруссию, за дочкой. Опять садиться за руль.⁴

Оно и ладно. Что-то невмоготу мне в последние денечки одному сидеть за столом. Не работается мне. Так бы и махнул снова в Карачарово.

Спокойной, солнечной Вам осени, Иван Сергеевич! Большой привет от меня и моей жены Лидии Ивановне!

Ваш

Г. Горышин

На конверте: Калининская обл., Карачарово. Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-156, ул. Орбели, д. 8, кв. 32. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 29.08.68; Карачарово, Калининской обл. — 1.09.68.

¹ Поездка в Карачарово описана в повести «Родословная» (сб. «Лица встречных»; впервые: Аврора. 1969. № 2—3).

² Эвелина Павловна Соловьева — художник, иллюстратор книг Горышина, его вторая жена.

³ Соколов-Микитов познакомился с А. М. Ремизовым в Петербурге в 1911 году, отдав ему на отзыв свое первое произведение — сказку «Соль земли» (1911). Сблизился и переписывался с Ремизовым в 1911—1914 годах; в 1917-м несколько месяцев жил у него на квартире (см.: Творчество И. С. Соколова-Микитова. С. 514—515).

⁴ К началу школьных занятий необходимо было привезти в город из деревни в Белоруссии дочь Анну (т. е. меня. — А. Г.).

4

Милый Иван Сергеевич!

Простите, что сразу не ответил на Ваше письмо. Отправился я ранней осенью на Кавказ, на Северный Кавказ. Нагулялся вволю по горам и лугам, попил кукурузной араки, лечил радикулит в целебных водах.¹ Потом спустился к Черному морю, пил молодые вина, и старые тоже пил. Наконец вернулся домой. Тут ждали меня пренеприятные события. Моя книга, которая уже вышла в свет, лежала на столе у Михала Михайловича, вдруг оказалась непригодной для выхода в свет.² Михал Михайлович предъявил мне примерно триста замечаний по тексту вышедшей, прошедшей все цензуры книги. Замечания эти были предъявлены мне не в дискуссионном порядке, а как ультиматум — или быть моей книжке, или не быть. Возникла в издательстве и вокруг некая новая ситуация. Некий новый подход.

Я был зол на Михала Михалыча. Вернее, даже не зол, а какая-то усталость, тошнота овладела мною. Тем временем события совершались своим чередом. Михал Михалыч был снят с работы, и злость на него у меня сменилась сочувствием. Всего-то ему оставалось шесть месяцев до пенсии. Сняли.

Книга моя оказалась в руках директора издательства Кондрашова.³ Он присоветовал к прежним замечаниям еще триста своих. Книжку я разрезал. Расклеил ее заново. Опять она пошла в производство. К тем четырем годам, которые понадобились, чтобы лечь этой книжке на стол главного редактора, теперь должно прибавиться еще неведомое время. Опять набор, корректура, цензура. Мой редактор⁴ получил строгий выговор — за «приятельские отношения» со мной, автором. На собраниях Кондрашов говорит, что порочная моя книга появилась на свет потому, что я ездил в Карачарово и там вел тайные переговоры с Михал Михалычем.⁵ Маразм достиг своего апогея.

В Питере мокро, тепло. Хорошо бы сейчас походить за зайчиком, на узёрку, подышать лесом. Вспоминаю с самыми теплыми чувствами Ваше Карачарово. Подумываю о том, не перебраться ли на житье в Москву.⁶ Желаю Вам, Иван Сергеевич, и Лидии Ивановне доброго здоровья.

Ваш

Глеб Горышин

На конверте: Москва И-167, пр. Мира, д. 118-а, кв. 156.⁷ Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-156, ул. Орбели, д. 8, кв. 32. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 27.11.68; Москва — 1.12.68.

¹ В укюминавшемся выше санатории в пос. Кармадон.

² Речь, видимо, идет о сб. «До полудня: Две повести» (Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд., 1968; подписан к печати 8.12.1968). М. М. Смирнов — главный редактор издательства.

³ Георгий Филимонович Кондрашов — директор издательства «Советский писатель» (Ленингр. отд.).

⁴ Игорь Сергеевич Кузьмичев — постоянный редактор и близкий друг Горышина.

⁵ М. М. Смирнов — автор нескольких статей и очерков о Соколове-Микитове, его биографии.

⁶ Г. Горышин остался жить в Ленинграде. Здесь же умер 10 апреля 1998 года, похоронен в Комарово.

⁷ В 1968 году Соколов-Микитов из Ленинграда (где с 1948 года жил на Московском пр., 208, до этого — на канале Грибоедова, 9) переехал в Москву.

© Л. Г. Фризман

М. Л. ГАСПАРОВ О «СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОМЕТРИИ»

Много лет тому назад автор этих строк совместно с доктором физико-математических наук В. М. Кошкиным опубликовал в журнале «Человек» (1991, № 3, с. 79—82) статью «Быть поэтом. Опыт статистической литературометрии». Она вызвала живой интерес у Михаила Леоновича Гаспарова, прочитавшего ее еще в рукописи, и он отозвался на нее большим письмом, кажется, самым большим за без малого 30 лет нашей переписки. На мой взгляд, это письмо ценно не только, а может быть, и не столько оценкой нашей статьи, анализом проведенного нами эксперимента и его дальнейших перспектив, сколько тем, что в каждом его слове отразилась замечательная личность этого человека, которая стала нам еще дороже после того, как мы его потеряли. Именно поэтому я убежден, что это письмо за-